

Литературный МАЯК

№ 5
(255)

Слово редактору

*Любезный
читатель,
здравствуй!*

В октябре на Вологодчине состоятся очередные Беловские чтения.

Белов не раз бывал в Кубенском и Песках, в других деревнях и сёлах нашего района, любил рыбачить на Кубенском озере, общался с председателем колхоза «Родина» Михаилом Григорьевичем Лобытовым и рядовыми колхозниками...

Великого крестьянского заступника интересовало всё, что касается жизни деревни, земли-кормилицы, исторической судьбы русского народа... От имени всех русских крестьян написал он эти строчки:

*С дубовых трибун
и с гнилых парпетов,
Блюдя митинговую вашу страду,
Не стыдно ли вам
перед белым-то светом
Истошно орать:
«Накормите страну!»
Хотите забыть грабежи
и расправы,
И гибель детей
в заполярном снегу...
Но даже в дыму
алкогольной отравы
Я этой обиды забыть не смогу.
Учили меня вы пером и наганом,
Корили, стыдили
под красным гербом.
Когда бунтовал -
нарекли хулиганом,
Когда я терпел -
обзывали рабом.
Я всех накормлю!
Но оставьте в покое
На древней земле
у травы молодой,
Не трогайте избу мою над рекою
И белую церковь
над синей водой.*

Настало время нам перечитать его книги, вспомнить его живое слово. Я обращаюсь к вам, дорогие читатели: если вам доводилось встречаться с Василием Беловым, слышать его, если в ваших архивах сохранились его фотографии, автографы, пожалуйста, поделитесь, напишите нам, расскажите. Ваши воспоминания будут опубликованы в «Литературном маяке», использованы при подготовке Всероссийских Беловских чтений.

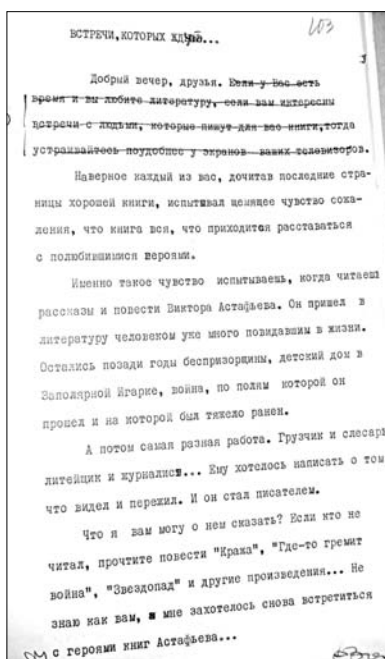
**Дмитрий
ЕРМАКОВ**

Слово Астафьева

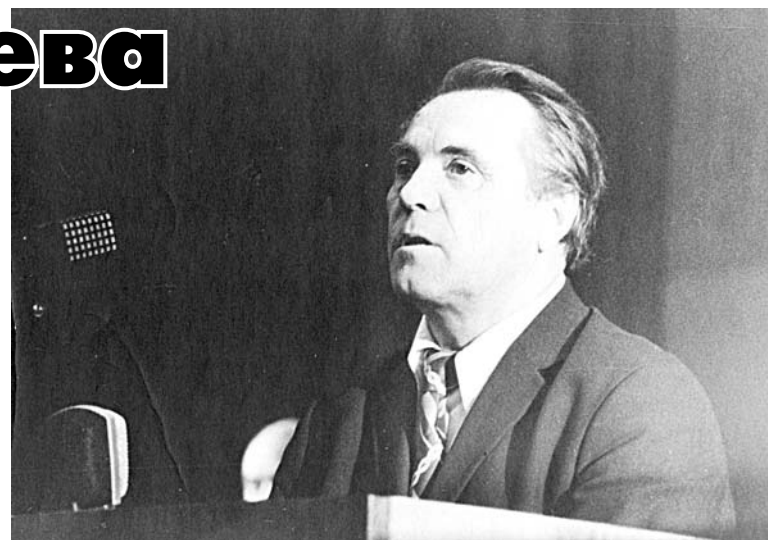
1 мая исполнилось 95 лет со дня рождения фронтовика, Героя Социалистического труда, лауреата Государственных премий РСФСР и СССР великого русского писателя Виктора Петровича Астафьева.

Исследователь истории литературы череповчанин Леонид Вересов предлагает вниманию читателей текст документа, обнаруженного в Череповецком центре хранения документации в фонде Череповецкого телевидения. Это первое интервью, данное на череповецком (тогда - областном) телевидении В. П. Астафьевым, уже примерявшим одежды классика русской литературы. Интервью с писателем состоялось 30 марта 1970 года, через год после переезда Виктора Петровича в Вологду, и было одним из сюжетов популярного телеальманаха «Северяне», вела его журналистка Ольга Ушакова.

«Можно только представить, - говорит Леонид Вересов, - Виктора Астафьева, произносящего с экрана эти слова. При большом везении могла сохра-

Текст передачи

Виктор Астафьев в Череповце

ниться и кинолента без звука этого выступления писателя на телевидении. Хотя, все-таки вернее, что это был прямой эфир - трансляция прямо с телестудии. В 70-е годы в Вологде я специально ходил на литературные вечера, чтобы послушать Астафьева. Помню несколько ярких, необычных, насыщенных информацией были его выступления. Они открывали для студента Воло-

годского пединститута новый мир с его сложностями и противоречиями, по-другому, не как в учебниках, повествовали об истории и литературе. Виктор Петрович учил уму-разуму, по-отечески направлял мысли в сторону анализа действительности и истории. Для будущего историка это было очень важно. До сих пор горжусь приватным разговором и автографом великого русского писателя».

Встречи, которых ждут...

Ведущая:

- Добрый вечер, друзья. Наверное, каждый из вас, дочитав последние страницы хорошей книги, испытывал щемящее чувство сожаления, что книга вся, что приходится расставаться с полюбившимися героями.

Именно такое чувство испытываешь, когда читаешь рассказы и повести Виктора Астафьева. Он пришёл в литературу человеком уже много повидавшим в жизни. Остались позади годы беспризорности, детский дом в Заполярной Игарке, война, по полям которой он прошёл и на которой был тяжело ранен.

А потом самая разная работа. Грузчик и слесарь, литейщик и журналист... Ему хотелось написать о том, что видел и пережил. И он стал писателем.

Что я вам могу о нём сказать? Если кто не читал, прочтите повести «Кража», «Где-то гремит война», «Звездопад» и другие произведения... Не знаю, как вам, а мне захотелось снова встретиться с героями книг Астафьева...

В. Астафьев:

- В Вологде я живу больше года - срок достаточный, чтобы оглядеться, кое-что увидеть и даже немножко узнать. Мне

довелось побывать в Кириллове, в Шексне, проехать по Сухоне и Двине до Великого Устюга и дважды побывать в Никольске и на Никольщине, посетить могилу прекрасного поэта и мужественного человека Александра Яшина, встретиться с интересными людьми и открыть для себя хотя бы краешек вологодской земли.

Обычно я ничего и ни о чём не пишу сходу, мне нужно вжиться в образ, в природу, присмотреться к людям, дать отстояться первому впечатлению, ибо оно часто бывает поверхностно и, значит, приблизительно, а то и вовсе неверно. Но исконно русская вологодская земля, люди её мне сразу же показались близкими, пришлось по душе, и, странное дело, я даже написал два коротких рассказа на вологодском материале, изменив своему правилу. Один из этих рассказов недавно звучал в сокращённом виде по Всеозному радио.

Земля, родина, накладывает отпечаток и на людей, а следовательно, и на писателей, на их дело. Вологодские писатели и поэты - люди в большинстве своём по-хорошему простые, но не простоватые, открытые, и так же их работа - книги, стихи очень душевны, многозвуч-

ны и по-настоящему народны. Сказав слово «народны», я не имею в виду, чтобы непременно упоминались в произведениях лапти, щи и курные бани. Народность эта, прежде всего, в интонации произведений, в интонации как бы слитой с самим звучанием голоса родной земли, интонации неторопливой, распевной, как бы приглушённой тихой грустью. Это очень отлично, скажем, от броского, несколько даже яростного, громкого слова сибиряков, и от красок их - размашистых и тоже очень ярких. «Тихая моя родина», - говорят о своей земле вологодские писатели, и в этой прекрасной строке много обозначено и сказано, хотя нынче не такая уж она тихая, Вологодчина-то.

О рабочем классе вологжане пишут мало, а точнее почти не пишут, и это тоже объяснимо. Большинство писателей-вологжан - выходцы из деревень, и пишут они о том, что знают хорошо, что вошло в плоть и кровь, писать же наскаками, пользуясь творческими командировками и мимоходными впечатлениями - дело ненужное и неблагодарное. Ещё ни одна книга, написанная литературными гастролёрами, не сделана, громко говоря, достойно-

ем читателя. Думаю, что пишущий о рабочем классе должен выйти из самого этого класса, быть им воспитанным, и вот среди начинающих и молодых писателей уже есть попытки приблизиться к этой теме, робкие, правда, попытки, неуклюжие, но всё же есть.

Правда, есть в работе молодых и начинающих одна огорчительная особенность. Я бывал на многих семинарах молодых, в том числе и на недавнем вологодском, где разбирались интересные, перспективные молодые авторы - это Шириков из Вологды, Шарыпов из Череповца, Степанов из Вологды и другие. И вот, странное совпадение, почти никто из них не работает над произведениями крупных форм, романами, повестями. Правда, все мы, да и до нас тоже жившие, имеющие опыт писатели, обычно подталкивали молодых к тому, чтобы они начинали с малых форм, набили бы руку, подучились и тогда уж брались за более капитальное дело. Это не беда. Но беда состоит в том, что и в малых формах молодые писатели зачастую неоригинальны, вторичны, а то и десятилетиями, и пишут о том, о чём уже много и хорошо написано.

(Окончание на стр. 10)

(Окончание.
Начало на стр. 9)

Встречи, которых ждут...

(Текст первого интервью В. П. Астафьева на областном ТВ в 1970 г.)

Создаётся впечатление, что им не о чем писать, и невольно вспоминается чеховский персонаж, провинциальный газетчик, который сетовал на отсутствие материала. «Вот если б турки штурмом Калугу взяли, тогда б было о чём писать...» - сетовал он.

Между тем, у наших молодых писателей жизнь, как правило, интересная была, насыщенная, только самим им она почему-то кажется не заслуживающей внимания. И опять же, для пишущего нет, как говорится, пределов, писать можно и нужно обо всём, только интересно и по-своему.

Когда-то молодой Бунин пожаловался Льву Толстому на то, что ему не о чем писать, и Толстой на это сказал, что вот,

мол, и пишете о том, что не о чем писать, да и объясните, почему не о чем писать.

Больше внимания к окружающим людям, к повседневной жизни, любопытства больше, и молодые увидят, как нескончаемо волнуется вокруг них море жизни, и на этом море не всегда штиль, бывают и волнения, разбиваются и корабли - одни только вопросы нравственного воспитания молодёжи и самопознания или, как Достоевский говорил: «себяпознания», могут составить большую работу, которой хватит на целую жизнь не одного писателя, а целого поколения писателей, как это

было в шестидесятых годах прошлого столетия.

Сам я последние годы работал над повестью «Пастух и пастушка» - это повесть о войне, о любви, о тоске и мечте человека по естественной жизни, без смертей и кровопролитий. Наряду с этим работал над короткими рассказами и составил из них книжку под названием «Затеси», которую в 71-м году собирается печатать издательство «Советский писатель», а издательство «Молодая гвардия» намеревается издать однотомник повестей, куда должна войти и «Пастушка».

Начал работать, а точнее, при-

ступаю к книге о войне, к которой шёл давно и готовился долго, потому что сам я участник войны, солдат, и не могу выполнять эту работу скоропалительно, неумело. Тема войны для меня - святая тема, и хочется, чтобы писалось трепетно, с болью и святым уважением к тем людям, с которыми я воевал, и которых приходилось мне хоронить вдоль долгих дорог войны.

Нынче зимой Пермский драмтеатр предложил мне сделать инсценировку по одному из моих рассказов. И вот я попробовал себя в драматургии - есть известия, что театр начинает постановку моей скромной пье-

сы «Черёмуха», а когда это будет - я ещё не знаю.

Издан ряд моих книг за рубежом. Только что я подписал договор с венгерским издательством «Эуропа» на издание повестей и рассказов на венгерском языке. Выходит в Болгарии повесть «Кража». До этого она вышла в Чехословакии и в ГДР. В Чехословакии, Польше, Венгрии и других странах печатались некоторые мои рассказы. В издательстве «Прогресс» выходит сборник рассказов на английском языке.

Вот и всё, что я могу сказать о себе. Надвигается лето, время поездок, встреч с людьми. Думаю побывать на Никольщине, в Салехарде. Подумать, посмотреть - это нужно для будущей книги, работа над которой займёт немало лет.

Благодарю за внимание.

В прошлом номере «Литературного маяка» был представлен отрывок из литературной реконструкции, осуществленной Леонидом Вересовым - «Рубцов о поэзии».

На эту публикацию откликнулся письмом и стихами известный вологодский журналист, в прошлом главный редактор газеты «Красный север» Евгений Некрасов, в своё время хорошо знавший и Николая Рубцова да и, практически, всех вологодских писателей.

С удовольствием прочёл я в предыдущем номере «Литературного маяка» отрывок из реконструкции, сделанной Леонидом Вересовым - высказывания Николая Рубцова о поэзии и творчестве...

В опубликованном отрывке меня порадовали строки о Ленине. «Творения Пушкина я ставлю наряду с творениями Ленина. Пушкин был в поэзии гений, а Ленин - в политике». Порадовали, так как официально подтверждают моё утверждение,

что Николай Рубцов чрезвычайно уважал и ценил Ленина именно за ум. Он и сам был умным и справедливым человеком.

Я упоминаю о Ленине в связи с Рубцовым, вовсе не ради возвеличения вождя. Просто, меня чрезвычайно возмущает явно тенденциозное стремление выставить Рубцова ярким антисоветчиком. А он им никогда не был. И я не думаю, чтобы Николай с восторгом воспринял бы нынешние расприкрасные времена так называемого «возрождения» России, хоть и жилось ему крайне тяжело. Чтобы понять это, вовсе не обязательно знать поэта лично. Достаточно просто почитать его опубликованные письма друзьям и знакомым.

Я редко упоминаю об отношении Рубцова к Ленину. Не примут, возмутятся. Да ещё и обвинят во вранье.

Теперь у Рубцова уйма зака-

дочных друзей обнаружилась. Мне тут вспоминается Боря Чулков:

«А кто знал его тогда,
когда судьба - слепая сила -
к нему не столь благоволила,
и с ним дружна была нужда?»
Мы с Борисом Чулковым рабо-

Евгений НЕКРАСОВ

Верность себе и судьбе

Н. Рубцов, Б. Чулков, В. Коротаев

с немецкого. Нередко я у них и оставался ночевать, на диване. Так вот, Рубцов у них тоже жил очень долго, особенно в первый год своего пребывания в Вологде. Казалось бы, кому, как не Чулкову, писать воспоминания. Есть о чём. Но он человек щепетильный и порядочный, высасывать из пальца нечто непременно значимое, знаковое, с многозначительным подтекстом, видимо, не желал. Но это уже мои предположения.

А вообще в ту пору никто и не думал о величии окружающих. Если и желалось получить книжку с автографом, так только от Василия Ивановича или Романова. Ну, от Орлова ещё или Яшина, если приезжали. Да и Евтушенко с этой целью атаковали, когда высаживался столичный десант на Бобриш-ный угор...

В литературной реконструкции понравился мне зачин Рубцова: «Теперь, когда я стал глуше, меня слушают...» Интересно, как бы он похотел на тему: «а теперь, когда я стал классиком?»

И мои стихи, недавно написанные...

16+

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ!

Ощущение жизни начала,
силы солнечной,
воли в груди!
Лодка с парусом ждёт у причала.
Половодье надежд
впереди.

Подниму парус
девственно-белый.
Ветер яростный в снасти
впрыгнул.
И рванусь в неизвестное
смело,
лет обузу
страхнув на бегу!

Важно быть верным себе!
Всё остальное - химера.
Верность себе и судьбе - стойкости
главная мера.

Если жизнь рубит сплеча,
гнёт и ломает безбожно,
очень легко сгоряча
в прикуп уверовать
ложный.

Тихо пойти
стороной,
прелести быта смакуя:
сытный достаток,

Фото: pxhere.com

покой...

Но проживёшь
жизнь чужую!

«Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово,
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова!»
Н.Рубцов

Ты продолжил
Тютчева и Фета!
А моя душа
тобой согрета...

Познакомились когда
с тобою,

вдохновил нежданно
похвалю:
Божий дар к стихам
во мне увидел.
Вспыльчивый, -
в застольях не обидел,
опакал,
как младшего собрата...

Память о тебе
храню я свято!

Точно жить,
если ты нелюбим.
Словно в поле
застигнут ненастьем.
Без любви

полновесно ли счастье?
Да и счастлив ли,
коль нелюбим?

Говорят,
одиночество - рай,
мнение тех,
кто любовь потерял
или вовсе любви
не узнал -

обошёл кого
ласковый май.

Упоительно знать,
что любим
и не чувствовать горечь
сиротства.
Сердце

с вечной надеждою
стать кому-то ещё
дорогим.

ЗА ВСЁ ДУША МОЯ БОЛИТ

Вдруг всплыв
из памяти глубинной,
упрёки совести
гнетут
за позабытый грех
старинный...

А годы
чередой идут...

Нелепость даже,
а не грех.
Просто досадная
случайность,
когда-то вызвавшая смех.
Но смех
с оттенками печали...

За жизнь
нелепостей таких
букет изрядный
наберётся -
по сути пустяков пустых!
И всё ж мне всякий раз
неймётся.
Что-то неясное
томит,
подспудно душу
угнетая...

За каждый шаг
переживает,

за всё
душа моя
болит!

Я измучился от неверия
в справедливость,
людей...
Ложь,
предательство,
лицемерие
всё нахрапистей
и хитрей.

Доброту теперь
не хвалят,
признак глупости -
доброта.
Время к лучшему
не меняется:
прёт душевная пустота!

Что веками считалось
доблестью
и исконною сутью
людской,

исковеркано нынче
подлостью
и печатю отмечено злой.
Опорочены силой дикою
чувства,
совесть
и долг святой...

Возрождаем Россию
великую?
Но дорогой идём

Хокку из Новленского

Я был немало удивлён, узнав, что хокку - традиционные короткие японские стихи, пишут ученики Новленской школы. Казалось бы, где Япония, а где Новленское... А они пишут (спасибо их учителям)! Вот, например, какие «японские» стихи передали мне на занятиях клуба детского чтения и творчества «Ключик» в школьной библиотеке ученики 2-го класса...
Д. Е.

Илья СТОЙКИН

Пришла весна!
Повсюду растаял хрупкий снег.
Ура, весна!

Тимофей АГНИН

Моя кошка пушистая.
Ты такая красивая, кошка!
Ты такая молодая!

Александра ЖДАНОВА

Гриб рос на полянке.
Он рос очень красивый.
Под берёзой, в тени.

Ольга МЕНУХОВА

С восторгом вышла
рысь на охоту!
И повстречала серого волка.
Рысь была обрадована встрече!

ФОНАРИК

страница творчества
детей и для детей

Артём НИКУЛИЧЕВ

Лошадь повернула голову.
Она хочет травы.
Я залюбовался ею!

Никита МОРОЗОВ

Стучит задумчиво дятел.
Достаёт личинки, лечит дерево.
Ещё одно дерево он спас!

А вот стихи второклассницы из Вологды...

Валерия ШИПИЦЫНА,
школа № 15, 2-6 класс,
г. Вологда

БАБОЧКА

На поляне растёт цветок,
Бабочка села на лепесток.
И полетела, порхая, с него,
Вдаль - высоко, высоко.
А в вышине облака, облака,
На бабочку с виду похожи слегка.

СОВА

Сова на веточку взлетела,
И свою песенку запела.
«У-У-У-У!» - во всём лесу,
Не разбуди-ка ты лису.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Рыбка по морю плывёт,
Плавниками всё гребёт.
Плавники-то непростые -
Все на солнце золотые.
Рыбку я хочу поймать
И желанье загадать.

Дмитрий ЕРМАКОВ

Коровушка

сказка

0+

Вы про вологодское масло слышали? Ну, кто ж про него и не слышал... А кому попробовать довелось - век не забудет, до того оно вкусное, жирное, запахи всех трав с наших заливных полей в себя вобравшее.

Но масло-то ведь не сразу маслом становится. Масло из молока получается. А молоко нам корова даёт.

Коровушка, кормилица наша - так всегда на Руси коров величали, а имена им самые нежные и добрые давали: Зорька, Бурёнка, Майка, Берёзка и даже Ягодка... Не верите? А вы у своих бабушек спросите, они-то помнят, как раньше в деревнях коров звали.

Но я вам сейчас расскажу историю давнюю, которую даже бабушки не помнят...

Есть у нас на Вологодчине речка Масляная, впадает она в реку Вологду, Вологда в Сухону, а Сухона в Северную Двину... На речке Масляной, в деревеньке Горка, а может и в Беседах, жила семья: отец Егор, мать Анфиса, сын Иван да дочка Катя. Хорошо жили, не ссорились. Вместе с ними на дворе при избе и живность разная: и овцы, и куры, и лошадь. Была у них и коровушка. Зорькой звали.

Всех животных любили они, а коровушку свою - больше всех. Летом выводили пастись на зелёный лужок. Зимой кормили душистым сеном...

Вот однажды зимой, отец запряг лошадь в сани и уехал в лес, с дальней полянки стожок сена вывезти. Мать ушла в соседнюю избу на беседу, да и прялку взяла с собой - не могла, чтобы руки без дела были. Ванюша убежал с мальчишка-

ми на санках с горки кататься, а Катя дома осталась. Без дела тоже не сидела, пол в избе вымела, а потом и стала куколку свою, что мама ей из тряпочек свернула, сначала кормить и поить, а потом спать укладывать, в игрушечную колыбельку, что отец из берестинки сплёл, уложила свою дочку, стала её качать и песенку напевать:

*Спи-ка, Маша, Бог с тобой,
Божья Матерь над тобой.
Зорька даст нам молока,
Вот и сыты мы пока...*

Котик серый песенку услышал, из-за печки вышел. Трётся об ноги, ясно Кате, что молочка просит.

*- Спи-ка, доченька, пока,
Принесу я молока...*

Вышла Катя из избы в холодную горницу, взяла с полки крынку с молоком, только слышит, как за стеной, там, где скотный двор, Зорька вздыхает. Пошла девочка к Зорьке. Та стоит, грустно смотрит, сено ей положено, а она не ест...

- Что ты Зоренька, кормилица наша, загрустила, - сказала Катя и прижалась к корове. А корова тёплая, как печка, и вздыхает...

И слышит Катя, будто говорит ей Зорька:

- Спасибо тебе, Катя, за то, что ты такая добрая, спасибо твоим родителям и братику твоему Ване, хорошо мне у вас жилось, да идёт за мной беда-худоба... Не дожидать мне до весны, не поить больше вас молочком сладким, не взбивать вам больше из того

молочка маслица...

- Что же это за худоба такая? - удивилась Катя. Жалко ей Зорьку, помочь хочется.

- Болезнь это страшная, - вздыхает Зорька. - А спасёт от неё только травка-живица, что весной на берегу нашей речки Масляной появляется. Где же её зимой взять?

- А сено, которое мы летом накосили да высушили, разве не спасёт тебя? Ведь в нём и живица-травка есть.

- Хорошее сено вы мне даёте, душистое и вкусное, но не спасёт оно от худобы. Свежая трава нужна...

Заплакала Катя, погладила Зорьку и пошла в избу, наливает молока коту серому, а у самой слёзы по щекам бегут, Кот молока напил, облизнулся и спрашивает у Кати:

- Что это ты плачешь, Катя?

Девочка удивилась, тому, что и кот заговорил, и рассказала ему о беде.

- Жалко Зорьку-кормилицу, без неё и молочка у нас не будет.

- Да-а, - мурлычет кот, - и молочка, и сметанки жирной, и маслица... Не горюй, Катя, поможем мы Зорьке. Я ведь кот не простой, а волшебный, знаю, где и зимой травы-живицы можно нарвать. Одевайся-ка, бери корзину да иди за мной...

Надела Катя шубейку, обула валенки, платком повязалась, корзинку прихватила, взяла ещё и куклу свою Машу, в тёплую шаль её укутала, к себе прижала и за котиком побежала.

Кот бежит, следочки на снегу оставляет, в лес путь держит. Идёт Катя по тем следам и видит, как начинает всё меняться кругом: снеговые шубки на

деревьях и кустах тают, по земле ручьи побежали, на ветках листья проклюнулись, вот и первая травка зазеленела. Выбежал кот на берег речки Масляной и Катя за ним: смотрит - льда на реке нет, а весь берег зелёной травой покрылся. Скинула Катя шубейку и стала травку душистую рвать, в корзинку складывать. А ей и Маша, из куколочки в девочку маленькую обернувшись, помогает. Быстро нарвали полную корзину травы.

- А теперь бежим домой, пока зима не вернулась! - кот им сказал и сам первым в деревню побежал, девочки за ним. Несут для Зорьки траву-живицу, чтобы от чёрной худобы её спасти...

... Тут на крыльце шаги послышались, дверь хлопнула - это вернулся с гулянки Ваня, за ним и матушка идёт, прялку с пряжей несёт, а во дворе выпрягает из саней лошадку отец, на санях целая гора свежего сена. Трётся Кате об ноги серый котик, спит в зыбочке берестяной кукла Маша... Очнулась и Катя - не поймёт, то ли приснилось ей всё, то ли взаправду было.

Побежала на двор, где Зорька стоит, а там отец даёт ей свежее душистое сено:

- Ешь, Зорька, на здоровье!

И Зорька с удовольствием ест свежее сено и кивает большой рогатой головой, будто благодарит людей.

Прижалась к ней Катя - тепло от коровы, как от большой доброй печки. И слышит девочка, будто бы говорит Зорька:

- Спасибо тебе, Катя, за твою доброту. Напою я вас молочком вкусным...

Хорошо, когда в доме коровушка есть - тепло и сытно.

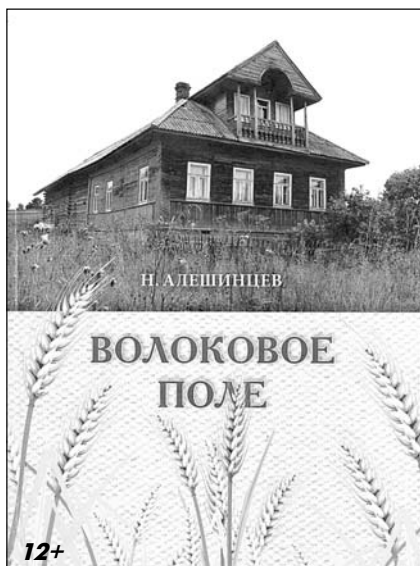

В марте этого года в Великоустюгской центральной библиотеке состоялась презентация книги Николая Алешиинцева «Волоковое поле».

Благодаря людей, оказавших материальную помощь в издании книги, автор сказал: «Надо ли говорить, что безотказны, оказываются те люди, которые знают цену трудовой копейке, но знают и цену творческого труда, объединяющего, материальное и духовное». И далее он кратко представил всю книгу.

Книга начинается с очерков, которые, по словам автора, «щит, меч, и совесть пишущих людей». В очерке «Волоковое поле» есть такие слова: «Нельзя Родину измерить гектарами и сантиметрами. Для нас она настолько дорога и велика, насколько богаты мы чувствами, насколько мы сердечны. Нет меры для измерения этих величин, но именно они подтверждение нашей человечности и силы

Поле Алешиинцева

нашего духа. Не дай Бог потерять их».

А вот отрывок из очерка «Дети спят»: «Не бойся малыш, - говорит мать, заплакавшему ребёнку. - Пока я рядом тебя никто не тронет. Спи. Вот так ручку под головушку подложи и спи. Ух, ты, какой у меня богатырь! Вырастешь и всех этих трепачей несчастных, грязной метлой на настоящую работу прогонишь. Годы молотят языком, а никакой подачи нет. И совсем другой будет наша планета. Твои сверстники, будут свободно шагать по облагороженной мирным трудом земле, без виз и визга: «Куда прёшь!»

Из очерка «Воинство господне»: «Не верьте никому, что на штыках можно принести солн-

це. Горе - да. Боль - да. Но только не солнце. Нам ли, чьи отцы гибли батальонами на полях сражений, чьи матери умирали от голода, быть «Иванами, не помнящими родства». Но и памяти тоже надо учить, иначе вместо истории трудной, но замечательной нашей страны, мы ничего кроме чёрной дыры не увидим».

- В рассказе «Яблочный Спас», - говорил Николай Алешиинцев, - я пытался найти объяснение способности человека к самопожертвованию. Не нашёл. Но знаю точно: люди щедрые и отзывчивые, скромны и незаметны. Самовлюблённые - почти всегда крикливы, агрессивны и недовольны жизнью. Они, лезут по служебной лестнице, толкаясь, и работая локтями. Не верят, что, когда достигнут желаемой высоты, лестницу уберут.

- Рассказ «Женская верность»: про то, что жизнь - совмещение чёрного и белого... Но! На какой высоте наша любовь, наша скромность и наша человечность, и в какой грязи валяется жадность, зависть, скотоподобие. Любить, как бы это банально ни звучало, высшее проявление человека. Опуститься ниже можно, а подняться уже некуда.

«Очищение»: невыдуманный рассказ о том, что человеку могут быть посланы такие испытания, когда самый ярый атеист хотел бы стать первосвященником. Так мы устроены: нужна

боль, чтобы возрадоваться врачу. Оказывается нужны каноны, кодексы, правила и настоящая свобода всё-таки та, которая внутри них. «Чуешь, - говорит председатель сельсовета. - До чего оскотиниться можно, если главного направления нет».

Можно ли дать это направление для всех? Сомнительно. «Легко, - сказал Сергей Капица, - собрать в стадо баранов. Вы попробуйте сделать это же с кошками». Почему сейчас много говорят о соборности, а по факту разрушают её. Вы будете удивлены, но при нелюбимом ныне социализме директор мог получать меньше доярки или механизатора, и не оскорблялся при этом. Сейчас бы это вызвало революцию сверху. Какая уж тут соборность.

«Молитва»: писать о судьбах наших матерей, значит, отдать им хотя бы маленькую толику благодарности. Повторюся, ничтожно маленькую.

До сих пор я не могу понять природу нашей стеснительности в выражении чувств, близким людям.

Подходящую девицу увидели и травой стелемся, и каких только сравнений не придумаем: она глаза тарасит, вот оказывается; какая я драгоценная, век бы, не догадалась, а вот матери, которая родила, вскормила, воспитала нас, которая заболела в переживаниях нашего горя, не говорим тёплых, щемящих, а главное нужных ей слов. Или говорим, но поздно.

Завершим мы наш разговор отрывком из рассказа «Развод»:

«Осмотрелся. Как всё-таки у нас хорошо. Не только красиво, а хорошо. Сухона такая заботливая; собрала добровольную дань с ручейков и речек и несёт её к Белому морю. Солнышко поднимет часть живительной влаги к небу и вернёт её тем же ручейкам и речкам весёлым серебряным дождём. И не прекратится жизнь. И оттого хорошо. И оттого березы прибрежные, вечным своим ожиданием похожие на наших матерей переговариваются тихонько и ждут, ждут. И начавшее колосится ячменное поле, наверное, оттого волнуется, что тоже ждёт».

Катя со студентом поднялись на пригорок и отчаянно долго целуются. Так и задушить друг друга можно. Любовь у них видите ли! А где любовь, там счастье. Дай Бог, чтобы оно, пришедши летом, выдержало и возможные у нас заморозки».

Заканчивая рассказ о своей книге, Николай Алешиинцев сказал:

- Друзья! Нет у нас другой родины и людей, каких-то особенных нет. Наверное, не надо особенно мудрить, а надо просто помогать друг другу и выстраивать надёжные, чистые дороги для будущих поколений. Лично мне, чтобы понять это потребовалось много лет. Вы, я уверен, сделаете это быстрее.

Ещё раз поздравляем Николая Созонтовича с выходом книги, с недавним днём рождения и желаем дальнейших творческих успехов на волоковом поле русской литературы.

Книгу «Волоковое поле» можно взять в библиотеках области.

Если ехать от села Кубенского в сторону Кириллова по новой федеральной трассе, то вскоре на дороге мы встретим мост через Шую. Знают о существовании этой небольшой реки, наверное, только жители близлежащих деревень. Но подобное название встречается у нас в стране неоднократно. Например, на Вологодчине есть и вторая Шуя. Это приток Сухоны в Междуреченском районе. В устье её стоит село Шуйское, один из райцентров нашей области. Если поискать, то обнаружится ещё река Шуя в Ивановской области (с одноимённым городом на ней, центром текстильной промышленности), а четвёртая Шуя находится в республике Карелия. На просторах России есть и другие Шуи (всего их 12!), которых мы сейчас касаться не будем. Оказывается, что на примере этого распространённого топонима можно показать, как сложно бывает в исследованиях выявить истину о происхождении того или иного названия.

Первый вопрос, который нужно решить при толковании топонима Шуя - языковой источник его происхождения. Вариантов может быть два: русский язык или какой-то из финно-угорских. Если названия перечисленных выше рек возникли во времена Древней Руси, то первое толкование их может быть связано со словами шуя, шуйца - «левая рука». Правую руку тогда именовали десная или десница. В связи с этим реки Десна и Шуя могли получить свои названия как правые и левые притоки других, более крупных рек. Однако первая из

Александр КУЗНЕЦОВ

Семь переводов для Шуи

наших вологодских Шуи впадает в озеро, поэтому говорить о том, что она «Левая», неправомерно, а вторая - вообще правый приток Сухоны. Значит, географическое расположение не подтверждает предложенную выше этимологию.

В диалектных словарях русского языка можно найти также слово шуя в значении «шуга, мелкий лёд, который несёт по реке осенью». Впрочем, подобное явление бывает на всех реках нашей страны перед ледоставом, поэтому сложно объяснить, почему только 12 рек в России стали называть Шуями.

Следующие версии связаны с древними финно-угорскими языками, на которых говорило население нашего края до прихода сюда русских. Это языки чуди, мери, веси и лопи - народов, которые упоминаются в древнерусской летописи «Повесть временных лет», как ближайшие соседи славян. Языки этих народов не сохранились, поэтому при толковании дославянских топонимов приходится пользоваться лексикой из современных финно-угорских языков - финского, эстонского, карельского, вепсского и других. Шуя, которая протекает недалеко от Петрозаводска и отдаёт свои воды Онежскому озеру, по-карельски называется Suojoki, а по-фински Suojoki. Вторые части этих топонимов - joki и joki - переводятся на русский, как «река», а первые

- близки общему прибалтийско-финскому термину suo, suo - «болото». Значит, название Шуя можно перевести как «Болотная»? Но, если снова привлечь географические сведения, то окажется, что для двух наших Шуи это толкование не очень и подходит. Шуя из Вологодского района протекает по холмистой местности и лишь перед впадением в Кубенское озеро пересекает небольшое прибрежное болото. Шуя в Междуреченском районе тоже не отличается особой «заболоченностью» своих берегов...

Поэтому учёные-топонимисты предложили ещё целых четыре этимологии для этого «неподдающегося» толкованию топо-

нима. Так, предлагалось сопоставить его с финским sula, suja - «талая», по аналогии с русскими названиями рек и ручьёв Талица, Талик. Следующая версия связана с карельской лексикой, где šüä, šüa означает «глубокая». В целом переводы топонима Шуя как «Талая» или «Глубокая» возможны, но требуют в каждом случае каких-то конкретных доказательств.

Для того чтобы раскрыть сущность речных названий Шуя, привлекался и саамский (в древности - лопарский) язык, в котором отыскался термин sauja, в переводе - «южная», а иными словами - «текущая с

юга». Правда, Шуя, приток Сухоны, течёт с юго-востока, кубенская Шуя - с юго-запада, карельская - с северо-запада, а ивановская - с востока. Значит, и этот перевод не без изъяна...

Седьмая версия связана со словом šüj из марийского языка в значении «мокрый». Если точнее, то ивановская и две вологодские Шуи могут быть связаны по происхождению не с современным марийским, а с родственным ему древним мерянским языком, который, как и сам этнос меря, исчезли около тысячи лет назад, «растворившись» в русском народе. Перевод названия реки, как «Мокрая», конечно, возможен, но звучит уж как-то очень неубедительно.

Итак, целых семь версий существует в отношении всего лишь одного топонима Шуя. Лично мне больше всего нравится перевод «Глубокая». Дело в том, что подобные названия Глубокая, Глубец распространены и в русской топонимии, где давались чаще всего не за глубину воды в русле (которая очень изменчива по сезонам года), а за глубоко врезанные долины, бывшие серьёзным препятствием для людей и при прокладке дорог. Долина Шуи из Вологодского района в самом деле отличается глубиной врезки в приозёрные холмы. Но и здесь источником топонима был, конечно, не карельский язык (šüä, šüa), а родственный ему, но вымерший язык чуды завололочской, жившей в древности по берегам Кубенского озера.

Рисунок автора